

ЛЕСНОМУ ЖАВОРОНКУ

Певунья, юркая юла!
Тебя спугнул я не со зла —
Разлука с милой завела
Меня в твои чащобы...

Так нежно голос твой звенел!
Когда бы я так петь умел,
Ужели муки бы терпел
Я от моей зазнобы?

А, может, так же, как и я,
Ты любишь, чувство затая,
И оттого печаль твоя
Так искренне поется?

Так эти звуки глубоки,
В них столько неги и тоски,
Что сердце бедное в куски
От нежной трели рвется!

ОТВЕТ ПОРТНОМУ, ПРИСЛАВШЕМУ ПОЭТУ НАЗИДАТЕЛЬНУЮ ЭПИСТОЛУ

За что объявлен я злодеем,
за что исхлѣстан по филеям,
тупыми ножницами бреем,
пытаем шилом —
и не ужасным Асмодеем,
портняжкой вшивым?!

За то, что юную особу
поял на радостях в утробу?
За это, Тэм, срывая злобу,
ты бьёшь с размаху?
Тебе не стыдно, вошеёбу
и блохотраху?

Поэтам со времен Давида
за многолюбие — обида:
была неласкова планида
к царю под старость,

но всё же святости хламида
ему досталась.

Глядишь, за праведные вирши,
порой горячие излишне,
оборонит меня Всевышний
от зла с копытом,
пристроит где-нибудь повыше —
с царем Давидом.

Пока ж сиятельные лица
велели мне перемениться,
да так, чтоб ни одна девица
не растолстела,
чтоб матерям на них не злиться
за это дело.

На днях в судебное собрание
меня водили на закланье,
мое нехитрое прозвание
звучало трижды:
«Грядет, о Робин, наказание,
зане блудишь ты!»

Я ложь всегда считал изъяном
и на суде, болван болваном,
признался, что девиц обманом
склонял к соитию:
Судья взревел: «Довольно зла нам
с твоею прытью!»

«Ты, Робин, не умрешь в кровати,
не узришь Божьей благодати,
дождешься не пустых проклятий,
в аду костра ты!»
«Да что ж, — кричу, — мне делать, братьи?
Идти в кастраты?»

«И то, — судья заметил сухо, —
коль плоть твоя сильнее духа,
будь это палец или ухо,
верней — отъяти!
А сделать из тебя евнуха
и вовсе кстати!»

«Ну, нет! – ору в поту и в раже. –
Нет ничего на свете гаже!
Пускай скопят евнухов, я же
готов быть сечен
и – коль суду угодно – даже
чуть изувечен!».

«К тому ж, теперь я даже спьяну
невинным девам лгать не стану:
всё растолкую без обману
про ригу с сеном,
пусть скажут, небу спев осанну,
что делать с членом...»

Увы, но речь моя простая
их, видно, довела до края,
и попрощался я, спасая
в штанах амура –
уж больно, Тэм, вся эта стая
глядела хмуро.

СОН

*Подсудны дело, умысел и слово...
Мой сон, Фемида, не суди сурово.*

Прочтя в газетах оду поэта-лауреата с описанием церемонии 4-го июня 1786 года, автор уснул, вообразив, что попал на приём по случаю Дня рождения короля и произнёс во сне следующую речь:

Мой государь! Такая честь
для скромного поэта –
монарху здравицу прочесть,
желая многи лета!
Откуда взялся я? Бог весть...
Я не любимец света
и к вам в альков сумел пролезть
помимо этикета
в сей славный день!

Ваш гений слава и хваля,
вам свита надоела.
«Храни, о Боже, короля!» –
сто раз кукушка спела.

Сплетая лести кренделя,
лояльна до предела,
не почестей, но чести для,
пиитов рать приспела
в сей важный день.

А я и в мыслях не держал
пустые комплименты,
поскольку вам не задолжал
ни пенсии, ни ренты.
Не то, чтоб я вас принижал,
срывал с камзола ленты,
но вашей славе, как ни жаль,
случались прецеденты
в далекий день.

Быть может, я не слишком мил
и недоучен малость,
но кто бы что ни говорил,
не всё вам удавалось:
стране под сенью ваших крыл
не сладко почивалось,
а уж земель пошло в распыл —
и трети не осталось
на этот день!

Деянья ваши очернить
я не имел желанья,
иль большей мудрости просить
стране для процветанья.
Но можно ль олухам за прыть
дарить чины да званья?!
Ведь им полы в амбарах мыть,
мести дерьмо баранье
в базарный день!

Передохнуть пришел черёд
Британии-старушке,
а шкуру с нас налог сдерёт,
коль не пробили пушки.
Иной, как я, надел возьмёт,
ждёт в урожай полушки,
а там опять с гусями жрёт
полову из кормушки
в расплаты день.

Долгов у вас невпроворот —
согласен с Вилли Питтом.
Он ради вас не ест, не пьёт
и по ночам не спит он.
У Вилли всякий вор и жмот,
кто спать ложится сытым...
Надеюсь, Христа ради, флот
довольствием снабдит он
в сей трудный день?

Прощайте, сир! Да будет мир!
И вольностям защита!
Да будет вашей властью, сир,
Коррупция разбита!
И раз уж дверь на этот пир
случилась приоткрыта,
супруге вашей — сувенир
от скромного пиита
в сей важный день:

Вам, королева, шлю привет!
Мне радостно знакомство —
явили вы на этот свет
прекрасное потомство!
Оно вас до скончанья лет
прославит! А потом что?
Блаженства небо ниспошлет
вдвойне за беспокойство
в последний день!

Глава Уэльса, юный принц!
О вас мне говорили —
что вы запретов и границ
немало преступили.
Вам править в лучшей из столиц,
забыв, каким вы были,
как лихо тискали девиц,
как с Чарли вы кутили
и ночь и день!

С годами буйный жеребец
перестает беситься.
С годами царственный юнец
на древний трон садится.

При Азенкуре свой венец
прославил тот же рыцарь,
что был когда-то молодец
с Фальстафом веселиться
во всякий день.

Вас, преподобный Оснабрюк,
и митра не прельстила,
хотя она главы вокруг
смотрелась бы премило.
Ну, раз ключей Петровых звук
не пробуждает пыла,
так станьте чей-нибудь супруг,
чтоб всем спокойней было
в сей славный день...

А вы, я слышал, принц-моряк,
в восторге от галеры,
что в наших рыскает морях,
с кормой, как у Венеры...
Пусть ей под королевский флаг
не встать, возьмите меры —
крюк на корму и так-растак,
тащите прямо в шхеры
в погожий день!

Вы, девы царственных кровей,
учите наши танцы —
достойны звания мужей
не только иностранцы!
На всех не хватит королей,
есть немцы-оборванцы,
но неужели не милей
веселые британцы
вам в этот день?

Господь ваш род благослови,
храни вас от нападок!
Напиток жизни и любви
не вечно будет сладок.
Осушим чаши мы свои
до дна, таков порядок —
конец придёт, сколь ни живи...
Но пусть горчит осадок
не в этот день!